

*Всем, кто с болью наблюдал
за уходом любимого человека,
а потом стоял на крыльце
и смотрел на дорогу.
И каждому, кто достиг конца этой
дороги... но повернул обратно.*

Часть 1

Глава 1

Я видел его раньше. Старик, лет семидесяти пяти на вид, может быть, даже восьмидесятилетний. Узловатые пальцы, искривленные от артрита. Голос курильщика, высаживающего по четыре пачки в день. Хлопково-белые волосы, пожелтевшие на концах. Морщинистая кожа цвета черного дерева. Дряхлое тело. Он носил потертые брюки в серо-голубую полоску, некогда бывшие частью шерстяного костюма, и засаленную белую рубашку с пристежным воротничком, застегнутую на все пуговицы. Ансамбль довершали классические двухтонные оксфордские туфли. Белая часть потускнела и потрескалась, но то, что осталось от черного, было отполировано до зеркального блеска.

Он со своей гитарой явно прошагал немало дорог. Это был старый «Гибсон Джей-45», и старик пробренчал сквозные отверстия над резонатором и внизу, поэтому крепежные поперечины частично обнажились. Он даже обмотал изолентой задник и борта гитары. Колки были разного цвета, а струны даже издалека выглядели ржавыми. Но когда

этот старик расходился, то оживал вместе со своей гитарой. Он притопывал ногами в такт движению ведущей руки, добавляя ударный ритм, предполагавший, что когда-то ему доводилось играть и на барабанах. Улыбка на его лице говорила, что когда-то он был счастливым человеком. Или считал, что был таким.

Я не особенно разборчив во всем, кроме гитар. Шестиструнные инструменты — это моя страсть. Полифонический концерт, в котором каждая величавая струна имеет свой голос. Честно говоря, меня завораживает идея о том, что мы умеем склеивать различные кусочки дерева в коробку формы песочных часов, прикреплять гриф, крепежи и струны из фосфористой бронзы, а потом с помощью давления и перебора в нужных местах создавать голос, значение которого несравненно превышает сумму частей, из которых он состоит, а выразительность определяется руками играющего. Глубокие, гортанные, глухие, басовитонизкие, гармонично сбалансированные, акцентированно-высокие голоса... я могу найти аргументы для звучания каждого из них.

Гитара старика утратила свой голос. Подобно ему, она отыграла свое. Он, возможно, забыл уже достаточно много мелодий, но его пальцы ничего не забыли. В том, в ком большинство прохожих видели бродягу-пропойцу, я видел бывшего музыкального гения. Когда-то у этого старика было имя в музыке.

Последние несколько суббот он появлялся на главной улице Лидвилля, усаживался на скамью

и играл до тех пор, пока редкие подаяния не покрывали дно гитарного футляра. Тогда он закрывал футляр и исчезал в бутылке примерно до четверга. В пятницу он уже жаждал добавки, практически иссыхал на глазах.

Прямо как сегодня.

Я замедлил ход вместе с уличным движением и подъехал к парку. Сегодня тротуары были заполнены народом, что обещало ему неплохую выручку. Я припарковал автомобиль, засунул свой блокнот куда-то между копчиком и поясным ремнем, отхлебнул из бутылочки пепто-бисмола¹, добавил две таблетки от боли в желудке, подхватил свою гитару и услышал его голос еще до того, как увидел его. Он сидел на скамейке возле популярной бензоколонки для байкеров.

Лидвилль — жаркое местечко для бойцов выходного дня из Вэйла, Аспена, Стимбота, Брекенриджа и даже Форт-Коллинза. Дорогие хромированные мотоциклы без глушителей и почти без пробега служили парадными конями для мужчин среднего возраста, выставлявших напоказ свои разукрашенные, отлично смазанные и ухоженные игрушки. Лидвилль — это старый шахтерский городок, один из самых возвышенных в США, поскольку он расположен на высоте более десяти тысяч футов.

---

¹ Безрецептурный противоязвенный препарат («розовый висмут»), выпускаемый в форме таблеток или суспензии. (*Здесь и далее примечания переводчика.*)

Некогда поставлявший большое количество серебра, теперь он превратился лишь в оболочку своего бывшего величия. Количество жителей сильно колебалось в зависимости от времени года. Здесь проводится «Лидвилль-100», изнурительная однодневная гонка для горных велосипедов. Здесь готовят «высокогорный пирог» — пожалуй, лучший вид пиццы в Скалистых горах, а «Меланзана» — маленькая частная компания, которая производит лучшие в мире флисовые куртки и свитеры, — держит свой магазин прямо на главной улице. Почти все настоящие уроженцы Колорадо носят «Мелли». Увидите такого — значит, есть все шансы, что вы имеете дело с аборигеном... или с тем, кто собирается стать таковым.

Старик сидел напротив салуна у фонаря на другой стороне улицы, поэтому звуки его музыки проецировались на бар. Умно придумано. Он выбрал хорошее место, но у него оставались две проблемы, первой из которых был запах. Он не мылся и не пользовался дезодорантом уже несколько недель. А возможно, и месяцев. Второй проблемой были негармоничные звуки, исходившие как из его рта, так и от его гитары. Люди могли бы дать ему немного денег из жалости, но он не мог рассчитывать на большее.

Мой следующий ход был немного рискованным. С любой точки зрения, это был его личный фонарь, а я был чужим псом, вынюхивавшим, где бы задрать лапу. Фокус заключался в том, чтобы подобрать-

ся поближе к нему и создать у него впечатление, словно он парит на ковре-самолете из чьих-то нот. Я хотел, чтобы ему понравилось мое присутствие еще до того, как он узнает, что я нахожусь рядом. На меня работало то обстоятельство, что он сосредоточился на очередной бутылке, поэтому его периферийное зрение было задействовано минимально. Против меня работало то обстоятельство, что он мог полезть в драку, если бы посчитал, что я помешаю ему выпить следующую бутылку.

Я знал песню, которую он играл, так что быстро подобрал тональность, а поскольку он играл (или, скорее, жестко бил по струнам), я начал наигрывать сопроводительные аккорды. Для его слуха это был комплимент, а не досадная помеха. Примерно через минуту он заметил меня, немного напрягся, развернулся ко мне плечом и стал петь и играть еще громче. Звуки, исходившие из его рта, не совпадали по тональности с его гитарными аккордами, и, судя по всему, он вот-вот должен был перестать улыбаться. Он явно заблудился в воспоминаниях о том музыканте, которым был когда-то.

А я придумал вот какую уловку. У меня было четкое ощущение, что раньше он играл с другими музыкантами и понимал, когда кто-то старался сделать его исполнение лучше. Он играл в ми миноре, поэтому я просто сел в сторонке и перебирал струны в ответной ровной гармонии. Он нахмурился, приподнял бровь и взял несколько сильных риффов, которые еще помнили его пальцы, но разум давно

позабыл. Я заиграл на каподастре и наполнил воздух ударными переборами, придававшими ритмичность и яркость старым блюзовым риффам в его размытом исполнении.

Раздосадованный, он изменил тональность и начал выкрикивать старинную балладу, которую, наверное, исполнял уже десять тысяч раз. Я отрегулировал каподастр и заиграл мелодичное инструментальное сопровождение, дополняющее его аккорды, не привлекая к себе особого внимания. Это был элегантный танец. Резкое усиление громкости с его стороны говорило о том, что он не слишком хотел быть моим партнером. Особенно если нам придется делить выручку.

Он повернулся на заднице и смерил меня взглядом, когда какой-то парень в черной коже бросил двадцатку в его футляр. Старый пройдоха заметил это, еще раз взглянул на меня и практически перестал играть, чтобы дотянуться до нее. Но когда я отодвинулся чуть дальше от него (и его футляра), этот намек запечатлелся в его затуманенном сознании, и он продолжил свою песню.

Когда она закончилась, он смотрел на сорок пять долларов в футляре, и я видел паническое выражение в его глазах; он сорвал джекпот и теперь взвешивал возможность схватить свою удачу и дать отсюда деру.

Убедившись, что я вот-вот потеряю его, я встал и бросил две двадцатки в его футляр.

— Не возражаешь, если я поиграю рядом?

Он зацепил футляр правой ногой и подтолкнул его между своими ногами, а потом указал на свое правое ухо.

— А?

Я наклонился, задыхаясь от вони.

— Я не причину беспокойства.

Он посмотрел на меня, на собравшуюся толпу, потом снова на меня. Наконец его взгляд остановился на моей гитаре.

— «Джей-45»? — прокаркал он.

Я кивнул. Он ткнул пальцем, приказывая мне вернуться на прежнее место, за пределами огней его рампы. Я повиновался.

Когда я был ребенком, у меня была коробка с сорока шестью пастельными карандашами и встроенной точилкой в торце. Я так любил все эти разные оттенки, что думал, как будет здорово смешать их все и посмотреть на водоворот красок. Это была неудачная идея.

Старик напомнил мне о том эксперименте. То, что когда-то было прекрасным в отдельности, в общей массе утратило свой блеск. Все цвета смешались в сплошную грязно-коричневую массу. Но люди — не карандаши. Если восковые краски смешиваются бесповоротно, то цвет людей является частью их ДНК. Мы больше похожи на витражные стекла в соборе. Где-то на жизненном пути на этого человека упала темная тень, помешавшая его свету воссиять в полную силу.